

Драко

Трещины на воде

Холодное сияние в высоте наливалось цветом. Бирюзовые, салатовые, рубиновые огни озаряли небо, деревья бросали на снег разноцветные тени. С каждым часом усиливался ветер, он визжал и выл, тыкался в стены слепой заснеженной мордой. Старый сосновый сруб, сложенный из толстых, грубо обтесанных бревен, жалобно скрипел под напором стихии.

С подветренной стороны дома, рядом с массивной, утепленной шкурами дверью, тускло светилось единственное окно, крест–накрест забитое досками. В срубе царил полумрак, с подоконника свисали сосульки. Сгорбившись и уронив голову на руки, перед столом, где дымно горела свеча, сидел великан.

Ростом с медведя, косой сажени в плечах, так заросший рыжей шерстью, что грубого звероподобного лица почти не было видно, обитатель дома носил одежду из шкур. Под густыми бровями подозрительно блестели маленькие, глубоко посаженные глаза, два коротких клыка торчали из развитой нижней челюсти. Слегка похожий на огромного кабана, великан сидел, не двигаясь, понуро глядя в стол. Его грудь тяжело вздымалась.

Медленно тянулись минуты. Гигант механически, безо всякого смысла провел пальцем по столешнице. Еще раз. И еще. Его пустой, блуждающий взгляд упал на грязные нарты, валявшиеся у стены.

Великан сжался, будто от удара кнутом. Закрыв лицо ладонями, глухо застонал. Но мгновение слабости быстро миновало, и в срубе вновь воцарилась гнетущая тишина. Вопли ветра за стенами ее лишь подчеркивали.

Прошло немало времени, прежде чем снаружи раздался шум и в дверь сильно, требовательно заколотили. Гигант очнулся не сразу; еще довольно долго он смотрел в пустоту невидящим взором. Наконец, когда стук перешел в откровенные удары, хозяин дома пришел в себя и встал, колыхнув пламя свечи.

– Кто? – спросил угрюмо.

– Именем короля! Патруль!

– Угу... – буркнул великан. Неохотно приблизившись к дверям, он поднял тяжелый засов, с ликующим свистом впустив метель.

Следом за ветром, отфыркиваясь от снега, в дом протиснулось странное существо – его бы назвали кентавром, если б и четверолапая, и двурукая половины его тела не принадлежали снежному барсу. Грациозный, как и все кошки, очень крупный – с тигра, феллир кутался в белый пушистый тулуп особого покроя, хранивший от холода и широкую барсову спину, и мускулистый торс. Такие же пушисто– белые сапоги согревали четыре его "нижние" лапы.

– Ну и погодка... – низким, хрипловатым голосом, выдавил патрульный. Гигант ничего не ответил, лишь покрепче затворил дверь. Барсокентавр беззвучно скользнул к огромной кирпичной печи, занимавшей почти половину сруба. Открыл заслонку, бросил полено в пышущую жаром пасть. Хозяин безучастно наблюдал.

– Знаю, знаю, "чувствуй себя как дома, старый друг", и прочее, прочее, прочее, – промурлыкал незванный гость. Осмотрелся, приняхался. На пол, с его тулупа, большими комьями сыпался снег.

– Чего надо? – не приветливо спросил великан, возвращаясь к столу. Феллир оглянулся, зло прижал уши.

– По делу, по делу, – одним прыжком оказавшись рядом, он сел "по собачьи" и уперся в стол обеими руками. – Ты на закате где был, а, Дрог?

Гигант дернулся. Его взгляд невольно упал на грязные сани у стены.

– Мы... – он запнулся, стиснул зубы. – Я валил лес.

Патрульный моментально проследил, куда смотрит хозяин. Сузил зрачки, втянул носом воздух.

– Кровь, – произнес он негромко. – Твоя кровь.

– Не моя! – вырвалось у великана. Феллир понимающе кивнул.

– Кто?

– Дочь...

– Как?

Гигант застыл. Перед ним, будто наяву, встал тот проклятый миг. Говорил же... Не стой рядом...

– Рубили лес, – выдавил он через силу. – Деревом придавило.

Феллир поцокал языком. Его живое, пушистое лицо отразило сочувствие.

– Что ж, один жить станешь?

Дрог опустил голову.

– Уйду, – буркнул под нос. – С первой луной.

Патрульный перебрал ушами.

– Твое дело, Дрог, твое. Но все ж ответь. Где был на закате?

– Где, где... – великан хрипло вздохнул. – У Амунки. Островок там. Хороший лес... – горло сдавил спазм. Феллир тем временем вытащил из "седельной" сумки небольшую грязно– желтую карту, обернутую рогожей, и деловито поставил крестик на изображении реки.

– Отлично... А ну, Дрог, припомятай: видел кого на закате? Следы? Голоса? Запах?

– А чего? – хмуро поинтересовался гигант.

– Чего, чего, – патрульный потыкал когтем в карту. – Ты не чегокай, ты по делу говори. Видел?

Дрог неохотно кивнул:

– Ну, видел.

– Кого?

– Лошадь, – гигант пожал плечами. – Мелкую такую.

Феллир весь подался вперед, его глаза загорелись:

– Как она выглядела? Какой масти? Куда скакала?!

– М– м– м... – Дрог почесал в затылке. – Ну, как выглядела... Мелкая. Масть странная, блекло– желтая, буланая наверно... Грива зеленая... Рог изогнутый, длинный. Мешок на спине тащила. Кобыла, вроде... Не разбираюсь я в них. Мы с Еленой... – он запнулся.

– Ну, ну?! – поторопил феллир.

– Мы ее видели, еще когда... К острову... Ехали, – выдавил Дрог. – По льду скакала, вверх по течению... Быстро так. Не впервой на льду. А потом... Потом... Потом не до лошадей стало...

Патрульный со вздохом обернул карту рогожей и убрал в сумку.

– Дурак ты, Дрог. Знал бы, кого упустил!

– Ну и кого? – угрюмо спросил великан.

– Да так, так, – феллир покачал головой. – Не заморачивайся... Вверх по течению, говоришь? – он азартно потер лапы. – Ну посмотрим, посмотрим, глядишь перехватить и получится... Добра, Дрог! Чую, до первой луны еще свидимся, а нет – так чистой земли и воды тебе в спутники.

– Добра, – буркнул гигант.

Бросив красноречивый, полный сожаления взгляд на печку, патрульный застегнул сумку и направился к дверям, на ходу натягивая перчатки. Дрог безучастно смотрел ему вслед.

На миг, в дом снова ворвалась метель, огонек свечи отчаянно забился. Но дверь с тупым стуком захлопнулась и великан остался в полумраке один. Тоскливый плач ветра как нельзя лучше отвечал его нынешнему состоянию.

Еще целую минуту Дрог простоял молча, уронив могучие руки. Боли он почему-то не чувствовал. Наконец, с трудом переведя дух, гигант медленно, тяжело, опустился на скамью. Казалось, сам воздух в доме налился свинцом, было трудно дышать.

Некоторое время Дрог смотрел на мерцающий огонек свечи. С первой луной он навсегда уйдет из этого леса. Теперь, одному... Будет легче выжить. Хватит с него лесов и деревьев. Больше никогда... Никогда. На северо-западе, в Якякистане, сильные руки в цене, особенно долгой ночью. Когда из Тамбелона набегают твари... Уже и не спрашивают, троггл ты, грифон или феллир...

Великан не сразу понял, что снаружи, от двери, уже давно слышен тихий стук. Очнулся он, лишь когда сквозь вой метели пробился слабый, задыхающийся детский голос:

– Пожалуйста, откройте! Кто-нибудь!

Судорожно дернувшись, гигант рывком вскочил на ноги, опрокинув стол. Свеча погасла. В полной темноте слышно было лишь хриплое дыхание.

– Она? – прошептал Дрог, так стиснув кулаки, что из-под грубых ногтей выступила кровь.

Стук повторился:

– Спасите, пожалуйста!

Великан с трудом выдохнул.

– Не она... – пробормотал горько. В темноте раздались тяжелые шаги.

– Кто? – мрачно спросил Дрог.

– Помогите, пожалуйста, мы замерзаем!

Дверь открылась, впустив торжествующую метель. В белом вихре что-то хрупкое, облепленное снегом, похожее на маленькую, изящную лошадку, бессильно рухнуло на порог. Две горбатые фигуры, сопровождавшие единорога, тяжело опустились на колени. Не тратя времени, великан затащил обледеневших путников в дом и ногой закрыл дверь. Темнота.

Чиркнуло огниво, искры на миг озарили клыки гиганта. С пятой попытки нащупав упавшую свечу, он со стуком водрузил ее на подоконник и зажег. Мерцающий, слабый огонек осветил сруб.

– Кого принесла нелегкая? – хмуро спросил Дрог.

Замерзшие горбуны так и сидели рядом с единорогом, дрожа и судорожно кутаясь в почти сырые бермедвяковые шкуры. Гости были так облеплены снегом, что из-под капюшонов виднелись лишь острые ящериные мордочки да яркие глаза, с надеждой следившие за гигантом. Тот, устав ждать ответа, опустился на корточки.

– Ну? – неприветливо буркнул Дрог. Он только сейчас разглядел, что все трое были детьми – самец и самочка пустынной хиссы, лет двенадцати–тринадцати на вид, а единорога и вовсе покрывала нежная жеребьячья шерстка, означавшая, что малыш пока не видел даже десятой весны. Тем не менее, именно он поднял голову, услышав вопрос.

– Наш род похитили, – тихо сказал жеребенок. – Солдаты в сером. Гнали на север, долго–долго. Дни становились короче и темнее, нас подымали кнутами... Я больше не мог бежать, сбил копыта, тогда меня бросили в овраг, но на дне был сугроб и я уцелел.

Единорожка сильно вздрогнул, очевидно вспомнив падение.

– Когда очнулся, солнца уже не было. Я искал, как выбраться, почти замерз. Провалился в глубокую трещину, не мог вылезти. Ждал смерти... А потом появились

они, – жеребенок с признательностью взглянул на ящерят. – Сами замерзали, но меня вытащили.

Дрог нахмурил брови.

– Крылья? – спросил угрюмо.

Жеребенок робко моргнул:

– К– к– какие крылья?

Гигант вздохнул и, устало, покачал головой.

– Откуда? – он ткнул мощным пальцем в небольшие, перламутрово– перистые крылышки, плотно сложенные на боках малыша. Тот, растеряно, поднял взгляд:

– В заповедных рощах Палены все единороги крылаты...

Дрог молчал так долго, что жеребенок стушевался:

– Простите. Я не знаю. Я совсем недавно родился.

Крякнув, великан отвернулся, поднял опрокинутый стол и перенес на него свечу. Путники молча следили. Закончив "уборку", Дрог отошел к печи. Постоял, уронив голову.

– Недолго, – буркнул наконец. Единорожка вздрогнул:

– Да, да, мы сразу уйдем, как согреемся! – выдавил жеребенок.

– Печь, – хмуро объяснил гигант. Огромная волосатая рука указала на скамью возле топки. – Гореть будет недолго. Грейтесь. Я спать.

Так и не обернувшись, он залез на печь и улегся спиной к дверям, на огромной истертой шкуре. Некоторое время в срубе царила тишина. Наконец, несмело подталкивая друг друга, ночные гости подползли к печи и замерли, жмуря глаза от тепла. Хозяин уже спал.

Выспаться Дрогу не удалось. Открыв глаза, он некоторое время просто лежал на остывшей печи, глядя в темноту. За толстыми стенами все так же выла метель, свеча давно погасла – единственным источником света были тлеющие в топке угли. Мороз уверенно заползал в дом.

Тяжко вздохнув, гигант сел, свесив вниз ноги. Взгляд остановился на трех смутно различимых в полумраке фигурках у самой печи – Дрог чуть не забыл о гостях. Да– а... Пара пустынных ящерят и юный крылатый единорог, вот чего не хватало в день, когда Елена... Когда...

Стиснув зубы, Дрог спрыгнул на пол, случайно задев железную печную заслонку. От металлического грохота жеребенок в панике вскочил, а хисса–самочка резко села и натянула теплую шкуру до горла. Рядом всполошился ее спутник, но тут же притих, сообразив, что опасности нет. Дрог опустился на колени, готовясь разжечь печь: в доме уже стало холодно, детеныши зябко кутались в шкуры.

– Что случилось? – дрожащим голосом спросил единорог.

Дрог пожал плечами.

– Ничего.

– Разве уже утро? – жеребенок с легким удивлением оглядел темный сруб.

Гигант на мгновение обернул к гостям заросшее рыжей шерстью лицо. Испачканная золой и пеплом, в отблесках пламени, его кабанья морда смотрелась жутковато.

– Утро, как же... – буркнул он хмуро. – Утро с весной придет.

Жеребенок перевел дух и вежливо поклонился, согнув левую переднюю ногу и вытянув вперед правую.

– Спасибо, добрый як–як.

– Як–як? – в глазах Дрога мелькнул странный огонек. – Где?

Единорог отпрянул.

– А–а... Ты разве не из Якякистана? – удивленно спросил жеребенок. – Такие... Огромные... Живут где-то еще?

Великан слабо фыркнул, подняв маленькое облачко золы.

– Принесла нелегкая, – буркнул под нос.

Единорожка тревожно всхрапнул и отступил назад.

– Прости, добрый хозяин, – извинился он. – Я родился недавно, и еще плохо знаю обитателей крайнего Севера. Мать нарекла меня Альбирео, по имени главной звезды Лебеда, первого из девяти созвездий, явившихся ей в ночь зачатия... Но все зовут меня Альби, – смущенно добавил жеребенок.

Он отошел к испуганным хиссам и опустился на теплую шкуру. Самочка накрыла ему спину, потрепала длинную шелковистую гриву, ниспадавшую с шеи. Единорог понурил голову.

– Я остался один, – сказал тихо. Нежное бело– голубое сияние, исходившее от рога, ощутимо померкло. –Заповедные рощи Палены скрывает магический щит, смертные их даже не видят, но серые солдаты были неподвластны магии. Они забрали всех, даже маму, даже Хранительницу! И никто не пришел на помощь, никто– никто... Кроме них, – жеребенок с признательностью взглянул на ящерку. Та улыбнулась, растянув края пасти и продемонстрировав полный набор белоснежных, будто полированных зубов.

– Солдаты? – тем временем буркнул гигант. Огонь в печи уже занялся, и он отвернулся от топки, усевшись на колоду для колки дров. Бросил на гостей мрачный взгляд. – Тебе лет-то сколько, лошадка?

Альби дернул хвостом.

– Девять, – сказал после паузы. – Я младший в роду. У нас не часто рождаются дети. Ты знаешь, кем были те солдаты? – спросил он, внезапно вскинув голову. Рог полыхнул белым. – Мать не помнит, чтобы кто– либо раньше ловил Звездных Коней. Не помнила даже Хранительница. Солдаты носили серые одежды и плоские, безликие маски. У них не было... душ, – с дрожью добавил Альби. – Я чую души всех существ, но у тех солдат... Пустота... – его передернуло. – Как у горгулий, только страшнее. Горгульи из камня, а солдаты были живыми, самыми обычными, просто... пустыми!

Великан вздохнул и тяжело провел рукой по спутанным рыжим космам.

– Заки, – буркнул глухо. – Твари из Тамбелона. Гиблое место...

– Столица императора Грогара? – с волнением спросил жеребенок. – Туда угнали мой род?

Гигант помолчал, глядя на разгорающееся пламя.

– Твоим уже не помочь, – сказал после долгой паузы. – Из Тамбелона нет возврата.

Альби отпрянул всем телом, рог совершенно померк.

– Но... – голос жеребенка сорвался, – Почему?!

Великан пожал массивными плечами. Красноватый, мечущийся свет из топки отбрасывал на стены дикие жутковатые тени.

– Меня там создали, – ответил коротко.

Единорожка не сразу нашел в себе силы ответить. Справившись наконец с потрясением, он поднял огромные глаза цвета морской волны и слабо наклонил голову.

– Так ты одно из чудовищ Грогара?

– Угу.

– Но... – растерянный, испуганный Альби моргнул. – Я чую зло в любом существе, в тебе его нет!

Дрог скривил кабанью пасть в гримасе ненависти:

– Не все яблоки падают возле яблони! -заметив недоумение в глазах жеребенка, пояснил: – Мы с Еленой... -запнулся – ...с дочерью оттуда ушли. Худые дела в Тамбелоне творятся. Не по нутру нам было.

– А какого вы племени? – робко спросил жеребенок. – Я совсем не знаю, кто здесь обитает.

– Где здесь? – Дрог нахмурил брови.

– Ну... – Альби запнулся, – В ваших краях...

– В каких краях? – брови великана сошлись вместе. – Окрест на шесть снов чащоба дикая. Я тут... – он сглотнул, – Один... Теперь. С первой луной за горы подамся. Как сюда забрели-то? Тамбелон южнее, сильно к востоку. Куда вас гнали солдаты?

Альби беспомощно моргнул.

– Я не знаю, – отозвался тихо. – Меня веревкой тащили, пока мог бежать, потом бросили в пропасть. Лежал в снегу, без сил. Сначала было холодно, но скоро перестал чувствовать... – он понурился. – Я пока не умею летать. Помню, как брел сквозь метель, помню как упал в трещину... А дальше, я, наверно, сознание потерял. Если б не они... – жеребенок с благодарностью потерся головой о плечо самочки. – Когда очнулся, уже огонь развели небольшой, обложили камнями от ветра. Отогрели немного. Я хотел спасибо сказать, но они языка не знают, молчат. Только улыбаются иногда. А затем окончательно стемнело и метель стала просто дикая... – Альби понурился. – Мы шли сквозь ветер, и вдруг увидели свет! Оказался твой дом, добрый хозяин. Спасибо, что приютил нас.

Великан промолчал. Некоторое время все четверо глядели друг на друга, в печи разгорался огонь. Тишина уже становилась напряженной, когда внезапно ее прервал сильный, глухой стук в дверь.

Все разом выдохнули. Хисс– самец, нахмурившись, привстал на колени и зорко – будто видел в темноте – оглядел сруб. И он, и его спутница до сих пор кутались в шкуры, даже капюшоны не сняли. Дрог провел ладонью по морде:

– Ох и закат выдался, – пробурчал, вставая. Поднял голос: – Ну? Кого еще принесла нелегкая?

– Помоги... – слышался хриплый голос.

– Кто это? – с тревогой спросил жеребенок. Великан, не ответив, тяжело вздохнул и направился к дверям. Вновь, на короткое время, в дом с визгом ворвалась метель.

Весь покрытый снегом, окровавленный барсокентавр бессильно свалился на порог. Дрог даже крикнул, заметив четыре обугленные раны, зиявшие в «верхней» спине патрульного – ровной линией, наискось перечеркнувшей торс. Не тратя времени, великан подхватил умирающего феллира на руки:

– Вы! – рявкнул он, бросив свирепый взгляд на испуганных хисс. – Грейте воду, живо! – мотнул головой в сторону печи – Котелок в углу, наберите снега!

Самец, проследив жест, отрывисто кивнул и вскочил на ноги. При этом с его головы, впервые, сползла накидка, обнажив странные перепончатые ушки– зонтики, аккуратный шипастый гребень да пару загнутых вниз рогов цвета червонного золота. Хисс поспешно натянул капюшон, но тревожился он напрасно – все смотрели только на великана. В неровном, мечущемся свете топки, огромный Дрог был страшен, кровь на его руках казалась черной. Хисса– самочка, дрожа, натянула одеяло до горла.

– Ч– что случилось?! – выдавил перепуганный Альби, пока хисс лихорадочно исполнял приказ. Великан, не отвечая, рванул с печи теплую шкуру, бросил на стол и бережно опустил туда раненного. Могучие, огрубелые от тяжелой работы пальцы Дрога могли быть удивительно ловкими, когда требовалось.

– Эй– эй, парень, не спать... – бормотал гигант, умело и быстро освобождая феллира от обугленного тулупа. – Нынче и так закат кровавым выдался...

Седельная сумка полетела в угол, там что-то громко звякнуло. Дрог бросил в ту сторону взгляд, но отвлекаться не стал. Патрульный хрипло дышал, кровь пузырилась на его губах, раненный быстро слабел. Гигант стиснул зубы:

– Не спать! – прорычал он в странном приступе ярости. Сердце зашло от черной, безысходной тоски: совсем недавно, у него на руках точно так умирала дочь. Неужто и сейчас... Бесплезный...

– Я могу помочь, – робкий голос единорожки заставил великана вздрогнуть. Опустив взгляд, он недоверчиво нахмурил брови:

– Помоги ему, – буркнул, мотнув тяжелой головой в сторону хисса. Но Альби, упрямо тряхнув гривой, шагнул вперед:

– Я Звездный Конь, – сказал он твердо. – Пусти. Он умирает.

Дрог судорожно сжал пудовые кулаки. Широкая, изрезанная шрамами грудь великана тяжело вздымалась.

– Не подведешь? – выдавил он через силу. Альби молча покачал головой и склонился над раненым. Ужасные раны барсокентавра лишь на миг заставили его зрачки расшириться.

Закрыв глаза, жеребенок плавно, уверенным движением провел ярко засиявшим рогом по спине "четверолапой" половины феллира, пока не коснулся первого отверстия.

– Два сердца или одно? – быстро спросил Альби.

– Одно, – Дрог указал на тяжело вздымающийся бок феллира чуть позади передних "лап". – Здесь. Потому и жив до сих пор...

Жеребенок осторожно коснулся рогом окровавленной шерсти, пару мгновений дышал в такт с раненым.

– Он похож сразу и на барса, и на оленя, – сказал Альби. – Я смогу его исцелить. Потуши свечу, отойди назад и закрой глаза. Им тоже закрой, – жеребенок мотнул головой в сторону ящерят.

– Обойдешься, – буркнул Дрог. – Хочешь помочь, помоги!

– Не зажмуритесь, ослепнете, – объяснил единорог. – Здесь будет очень светло. Ярче, чем на поверхности звезды.

Дрог стиснул зубы, но жеребенок смотрел твердо и уверенно. Проворчав что-то под нос, великан неохотно отступил, жестом показав ящерам, что надо закрыть глаза. Альби терпеливо ждал, пока все трое исполнят указание, затем обернулся к раненному.

– Прикрой глаза лапами, – приказал жеребенок. Феллир, застонав от боли, последовал совету. Глубоко вздохнув, Альби расправил крылья и дотронулся рогом до груди раненного.

Перламутровые перья полыхнули вспышкой такой силы, что все вскрикнули. Волна жара прокатилась по комнате, сруб заполнил вонючий синий дым, вызвав у хисс кашель. Единорог грациозно отступил назад:

– Вот и все, – сказал тихо. Животворное бело– золотистое свечение, растекавшееся от тонкого витого рога, медленно сходило на нет, гасло и зарево вокруг крыльев.

Дрог недоверчиво почесал в затылке. Раны феллира полностью затянулись, не оставив даже шрамов, но сожженная шерсть не восстановилась, так что к черным барсовым пятнышкам временно добавились четыре розовых. Потрясенные хиссы, моргая и кашляя, смотрели на единорога.

В клубах синего дыма никто не заметил, как великан поднял с пола сумку патрульного, расстегнул ее и оцепенел.

***

Метель за стенами не унималась, тоскливым воем оплакивая гибель дня в когтях Долгой ночи. В доме ее старались не замечать; ярко пылала печь, огню помогали две новые свечи, извлеченные Дрогом из какого-то мешка. Блаженное тепло волнами растекалось по срубам.

Укутанный шкурами, патрульный мелкими глотками пил кипяток. Он был еще слаб, но от ран не осталось даже царапин и лишь пятна свежей крови на шерсти напоминали о чудесном исцелении. Жеребенок грелся у самой печи, ящеры ели наскоро сваренного Дрогом кролика, сидя за столом и, по-прежнему, старательно прячась в свои балахоны, будто стесняясь собственной внешности. Жеребенок старался не смотреть в ту сторону; он вздрагивал, даже касаясь старой выцветшей шкуры, будто до сих пор чувствовал боль умирающего зверя. Великан сидел на печи, свесив ноги и угрюмо глядя в пол. Тень, за его спиной, предательски горбилась, выдавая затаенное горе.

– Все равно странно, – вздохнув, сказал феллир, поднимая взгляд от чашки. – Откуда в такой глуши взяться пустынным хиссам? Да они вмиг замерзнут! Рептилий ни одна шуба не согреет, тут нужна горячая кровь... Малыш, ты уверен, заки гнали только единорогов? Может, этих ящеров они следом за тобой в овраг бросили?

Альби сильно вздрогнул.

– Я не видел, – отозвался с трудом.

– А что они сами говорят? – патрульный метнул на хисс подозрительный взгляд. Жеребенок вздохнул.

– Не знаю.

– Разве единороги не владеют дарами истинного знания и зрения? Почему ты не понимаешь их речь?

Альби опустил голову.

– Я слишком юн, – сказал негромко. – Истинное зрение приходит на семнадцатом году, а знание – лишь на двухсотом. Мама легко бы их поняла... А Хранительница даже обучила бы нашему языку, для нее это просто, ведь Хранителями становятся лишь те, кто встречал весну не менее семи тысяч раз.

– А что ты чувствуешь в них, каковы их души? – спросил феллир.

Жеребенок тепло улыбнулся.

– Самочка младше, но душою гораздо старше. Оба видели много горя, особенно самец. Только они все равно сохранили первозданный свет. В их душах нет зла.

Он обернул голову к молчавшему Дрогу и тихо добавил:

– Я чувствую и твое горе, добрый хозяин. Ты потерял самое дорогое, и время еще не успело залечить эту рану.

Гигант глухо фыркнул. Жеребенок, вздрогнув, понурился и опустил взгляд.

– Я тоже... Все потерял, – произнес он едва слышно. – Прости. Если б мы встретились раньше... Я мог бы помочь твоему горю, как помог ему... – единорожка чуть заметным движением головы указал на феллира. Дрог стиснул зубы.

Раненный, тем временем, тяжело вздохнул и отложил пустую чашку.

– Что ж, самое время знакомиться, – заметил он. – Я Катакирк, или просто Кирк, патрульный на службе его величества Ворака. Со старым ворчливым Дрогом, вы, думаю, уже подружились...

– Угу. Думай дальше, – буркнул великан.

Единорожка учтиво склонил голову:

– Мать нарекла меня Альбирео. Но вы старше, так что зовите просто Альби.

Патрульный улыбнулся в усы и обратил взгляд к ящерятам. Жестами дал понять, чего от них ждут. Самец покачал головой.

– Гхрк гр– рр– арра, – заявил он хрипловатым голосом. Самочка встрепенулась, будто пытаясь возразить, но самец жестко вскинул когтистую ладонь, останавливая ее порыв. Обернулся, указал на патрульного. Выпустил когти и дважды, резко, ткнул себя в грудь четырьмя растопыренными пальцами. Вопросительно поднял взгляд. Кирк перебрал ушами:

– Кажется, ему интересно, кто меня ранил.

– Мне тоже интересно, – вставил Альби. – Я ощутил следы магии, могущественной, но не злой. И странно знакомой, будто... – он беспомощно развел крыльями. Кирк криво усмехнулся:

– Верно, малыш, тебе-то сия магия отлично знакома, – он вздохнул. – Попал я, как кур в ощиц.

Феллир указал когтем на дверь, провел лапой ото лба вверх, будто обрисовывая длинный загнутый рог, и гримасой изобразил атаку.

– Буланая единорожица, за которой гоняется вся армия Грогара. Та самая, что Дрог встретил на закате, – хмуро сказал Кирк. – Я все же сумел ее выследить.

– Тебя ранил единорог?! – воскликнул Альби. – Но мы никому не причиняем вреда! Никогда! Это... Просто невыносимо!

Патрульный развел лапами.

– Не все единороги похожи на тебя, малыш. Она подстрелила меня на ледовом откосе, и просто не смогла туда забраться, иначе я бы тут сейчас не сидел...

– Тебя в спину ранили! – внезапно оборвал Дрог с печи. – Почему?

Кирк метнул на великана злобный взгляд, но огрызаться не стал и лишь медленно опустил голову.

– Потому, что я убежал, – сказал почти беззвучно. Альби удивленно моргнул, а Дрог спрыгнул с печи и, с неожиданной злостью, пнул полено. Столь странная агрессивность заставила феллира насторожиться.

Задумчиво проведя рукой по шее, он свел густые белые брови.

– Дро– о– ог... – протянул патрульный. – А где моя сумка?

Великан резко обернулся, сжимая и разжимая кулаки. Долго, молча, смотрел на ночных гостей, ожидавших ответа.

– Я взял, – сказал он наконец смурно.

– Взял? – с тревогой переспросил Кирк. Он даже привстал, но качнулся от слабости и вновь опустился на шкуры. – Старик, ты не представляешь во что ввязываешься. Не надо.

Дрог отвернулся. Чудовищные мускулы на его спине вздулись корабельными тросами.

– Метели крепчают с каждым закатом, – выдавил глухо. – Мы с Еленой... – он запнулся, но с огромным трудом нашел в себе силы продолжить, – Пару раз... Находили следы в чаще.

Патрульный сильно вздрогнул.

– Какие следы?!

Дрог сжал кулаки.

– Следы, – повторил хмуро. – Сначала думали, с гор забредал хиссач... Потом нашли ободранную кору в двадцати локтях от земли. Борозды на камнях...

– Борозды? – тихо переспросил Кирк. – От когтей?

Великан взглянул ему прямо в глаза и молча покачал головой. В доме повисла столь напряженная тишина, что Альби передернуло.

– О чем вы говорите? – спросил он робко. – Я не понимаю...

Патрульный отозвался не сразу.

– Виндиго, – произнес он, наконец. Единорог тревожно подался вперед:

– Виндиго?! – переспросил. – Ледяные демоны из сказок?!

Кирк помолчал.

– Виндиго существуют, – сказал он после долгой паузы. – Их кормит ненависть. Чем больше в мире зла, страха, раздора, тем сильнее становятся демоны Льда, и настанет день... Настанет ночь, когда они поднимутся в небо.

– Последняя ночь, – глухо произнес Дрог.

Кирк передернуло.

– Верни то, что взял, старик, – он со стуком отставил пустую чашку и все же нашел силы встать. Подошел к великану вплотную. – Ты не понимаешь. Пока правит Грогар, пока наши земли скованы страхом, виндиго будут лишь крепнуть.

Гигант покачал головой.

– Я уйду с первой луной. Эту... Штуку... Спрячу в одном мне ведомом месте, на вершине Вечного Пика. Там ветры такие, и холод такой, что окромя меня и не доберется никто.

– Верни драгоценность! – жестко приказал патрульный. – Не тебе решать ее судьбу!

– А тебе-то с какой стати? – угрюмо спросил Дрог. – Ты ж ее сам у той кобылы похитил. Нет уж. Отдам – быть войне.

– Войне?! – воскликнул Альби.

Патрульный с трудом пришел в себя и обратил на жеребенка взгляд зеленых кошачьих глаз:

– Не бойся.

– Звездные кони не боятся! – в голосе единорожки сквозила боль. – Мы вечны, как сам лес, мы храним его мудрость!

Кирк с горечью улыбнулся.

– Леса не вечны, малыш.

Жеребенок вскинулся, но, к удивлению феллира, не стал возражать. Поникнув, будто цветок на морозе, Альби опустил на пол и сжался, подтянув ноги. Самочка–хисса, с тревогой слушавшая непонятный ей разговор, пододвинулась ближе и, с огромной нежностью, дотронулась до серебряной гривы.

– Теланарр, арре, теланаррр... – шепнула она ласково. Единорожка, приподнявшись, взглянул ей в лицо. Ящерка улыбнулась. Беспомощно моргнув, Альби уложил голову ей на плечо и замер, опустив веки, легонько дрожа. Хисса крепко обняла сказочное существо.

Патрульный бросил хмурый взгляд на Дрога, молча наблюдавшего за детенышами. Подошел вплотную, поднял голову.

– Я видел следы. Похоже, заки ловят единорогов по всему Северу и гонят в Тамбелон, – едва слышно сказал феллир. – Теперь ты знаешь, почему.

– Лошадки-то причем?

– Без сокровища Грогар быстро слабеет. Несколько сильных магов, вроде той буланой кобылы, объединившись, скоро сумеют его одолеть.

– А лошадки-то причем? – хмуро повторил гигант. Кирк стиснул зубы:

– Буланая не сможет собрать отряд магов, коли станет не из кого собирать. Только единороги владеют магией.

– Ну и хорошо, – буркнул великан. – Не будет войны...

– Дурак! – патрульный даже распушился от гнева, прижал к голове уши. – Как раз будет! – он резко ткнул лапой в сторону испуганных детенышей. – Сколько еще таких погубит Грогар? Сколько проживет единорог в Тамбелоне?

Дрог тяжело качнул головой:

– Никому не жить, когда проснутся виндиго. А они пробудятся, едва начнется война.

– Так помоги ее предотвратить, верни сумку!

– И что дальше? – глухо спросил великан. – Отнесешь своему королю? Тем же днем соглядатаи Грогара доложат ему, где искать краденную драгоценность... – он расправил плечи и добавил жестко, как отрубил: – Я спрячу сумку на Вечном Пике. Никто, никогда не прознает, где. Разговор окончен.

Барсокентавр, медленно, скрестил на груди руки.

– Ты же понимаешь, что я не могу этого позволить? – сказал сухо. Дрог шагнул вперед и навис над патрульным гигантской рыжей тенью.

– Ну так останови меня.

Кирк помолчал. Смерил противника взглядом – каждая рука Дрога превосходила в объёме его туловище. Скрипнув зубами, он отступил и отвел глаза.

– Ладно... Отложим... – патрульный зло прижал уши. – Я собираюсь отбить у заков стадо единорогов. Их легко выследить, следы яркие. Поможешь?

Дрог прищурил глаза:

– Тебя ж как раз лошадь и подстрелила?

– А другая "лошадь" мне жизнь спасла, – сквозь зубы процедил Кирк. – Это меньшее, что я могу для него сделать.

Великан отвернулся. Сжал кулаки:

– Где ж он был, когда умирала... Елена... – свирепо выдохнул. – С первой луной уйду. Дом ваш. Как хотите, так и... Живите. Про сумку больше не заикайся.

Он молча взобрался на печь и накрылся шкурой. В сруб вернулась гнетущая тишина.

***

Безумство метели за стенами понемногу стихало, ветер уже не выл раненной гиеной, только шелестел в темных кронах. Обитатели затерянного в лесах дома готовились покинуть его навсегда.

Ящерята, с удивительной для их возраста сноровкой, шили теплые балахоны из шкур, которые дал им Дрог. Феллир плашмя лежал у самой печи: набирался сил перед дорогой. Единорожка сидел рядом, глядя в огонь громадными перламутровыми глазами цвета морской волны. Его изумительный рог почти не светился.

Самого хозяина в доме не было, Дрог очищал от снега большие грузовые сани, на которых раньше – пока не случилось... черное... – возил бревна к Амунке.

Патрульный глядел на ящерят. Те, по–прежнему, ревниво скрывали свою внешность под шкурами, виднелись лишь острые мордочки, пятипалые когтистые ладони да хвосты, украшенные трезубцами шипов. Вот эти самые шипы и тревожили Кирка – как он помнил, пустынные хиссы подобными не обладали. Глаза у самца были янтарно–оранжевыми, у самочки – красными, и у обоих светящимися, огромными, направленными вперед, как у сов. Мордочки напоминали некую помесь кобры, благородного оленя и волка. Собственно, от рептилий в таинственных существах узнавалась только чешуя. Мелкая, зеркально–блестящая, изумрудная у самки, сине–голубая у самца. Патрульный мучительно вспоминал, на кого похожи таинственные ящерята – и внезапно понял.

– Альби, – тихо позвал Кирк. – Ты слыхал о сиренах?

Единорожка кивнул.

– Конечно. Они часто прилетали смотреть на меня, пели красивыми голосами, – Альби смущенно опустил голову. – Есть примета, что юный Звездный Конь приносит удачу.

Патрульный усмехнулся:

– До сих пор тебе не слишком везло.

– Я ведь не погиб и нашел этот дом, – возразил Альби. – Какие шансы уцелеть, когда падаешь в пропасть?

Кирк легонько фыркнул.

– Посмотри внимательно на детенышей, – сказал он вполголоса. – Их чешуя несет такой же рисунок, головы точно как у сирен, хрустальные глаза... Понимаешь намек?

Единорожка даже не повернул головы:

– Мне не нужно смотреть, – отозвался он серьезно. – Я чую всех изнутри, вижу души. Раса этих детей мне не знакома, но они точно не сирены. У сирен совершенно другая... эас, – единорожка помедлил. – Есть, правда, кое– что странное.

– Да– да? – насторожился феллир.

– Ну... – Альби робко отвел глаза. – У них такая же эас, как у меня самого. Но этого не может быть, я, наверно, просто неправильно вижу. Ведь я совсем недавно родился.

– А почему у них не может быть твоей... эас? – напряженно спросил Кирк.

Единорожка моргнула.

– Это бы значило, что они бессмертны, – ответил просто.

Патрульный поперхнулся и надолго замолк. Альби подобрался к нему ближе и ткнулся теплым носом в плечо.

– Не тревожься, – мягко шепнул единорог. – В них нет зла, совсем. Зло не пропустит даже новорожденный Звездный Конь, а мне целых девять лет, – он улыбнулся. Кирк тяжело вздохнул.

– Странные они, – заметил феллир, глядя, как самочка отложила толстую костяную иглу и с головой залезла под одеяло, желая примерить балахон.

– Почему странные? – спросил Альби.

– С чего бы им так свою внешность скрывать?

Единорожка удивленно моргнула.

– Не знаю...

– Ящерята так стесняются своего вида, словно боятся, что их узнают... – Кирк многозначительно подмигнул. Альби задумался.

– Может, они с другой планеты? – спросил он затем.

– Откуда?!

– Хранительница помнит эпоху, когда Солнца еще не было, а в небе светила только Луна, пепельно– серое Око Ночи, – тихо сказал единорожка. – Она пела о временах, когда в мире обитали лишь Звездные Кони да робкие, призрачные Умбры, а с других планет к нам часто прилетали гости. Совсем– совсем разные, волшебные, невиданные. Мы жили с природой в гармонии и не враждовали друг с другом...

Кирк вздохнул.

– Тогда бы виндиго давным– давно вымерли, – буркнул он мрачно, вставая на ноги. – Ладно, малыш, пора в путь. С каждым часом заки все дальше угоняют твоих родных, да и Долгая ночь на носу. Когда в горах проснутся Безглазые, поверь, даже Грогар покажется милым котенком, – феллир оскалил такой набор клыков, что тигр со стыда бросился бы в омут. Альби поспешно вскочил:

– Я готов, – сказал он твердо, хоть голос от волнения легонько подрагивал. Кирк слабо улыбнулся. Кивнув внимательно следившему хиссу– самцу, он жестами дал понять, что отдых окончен.

Первым из дома вышел патрульный, зорко озираясь и втягивая воздух носом. Следом шли детеныши– хиссы в пушистых, бесформенных балахонах, а между ними, накрытый меховой попоной единорожка. По совету опытного Кирка, Альби на рог нацепили чехол, чтобы сияние не привлекало ночных хищников. Конечно, единорога не тронул бы ни один зверь, но патрульный серьезно сомневался, что магической силы жеребенка хватит для защиты всего отряда.

Ветер почти унялся. Сияние Первой Луны уже заполняло безоблачный, усыпанный звездами небосвод, струясь призрачным туманом, обволакивая черные кроны деревьев. Снег, казалось, светился сам, сугробы переливались мириадами синих алмазов. Единорожка восхищенно оглядывался.

– Красиво! – вырвалось у него. Кирк тяжело покачал головой.

– Насмотришься еще на местные красоты, малыш, ох, насмотришься... – пробормотал он под нос. – Где Дрог?

Альби зажмурился, медленно поводит головой из стороны в сторону. Растерянно всхрапнул.

– Ушел... – изумленный единорог посмотрел на патрульного. Кирк скрипнул зубами.

– Уверен, малыш?

Альби отпустил голову.

– След...Горе и одиночество. Он плакал, только не глазами, а душой. Я чую след, чую его боль. Дрог ушел, Кирк. Не надо его догонять, ладно?

Патрульный зло хмыкнул.

– Я бы не справился с ним, даже будь я в полной силе. Ничего, дай лишь добраться до заставы... – он прикусил язык и добавил, бросив на жеребенка быстрый взгляд, – ...откуда мы сразу вышлем отряд на его поиски. Чтобы не заблудился.

– Он... Не хотел, чтобы его видели... Таким, – тихо сказал Альби. – Разве ты не слышал, как кричало его сердце? Ему было больно смотреть на меня, он... Считал, я виновен...

– Довольно, – резко оборвал феллир. – Ушел, так ушел. Нам меньше заботы.

Он шагнул было к зарослям, но самец– хисс внезапно рывком вскинул лапу и поймал феллира за хвост. Тот, припав к земле, по– кошачьи извернулся и оскалил клыки.

– Что?!

– Хррра... – тихо прорычал ящеренок. Его спутница сильно вздрогнула.

Хисс молча уложил ладонь на спину единорожке и попятился в дом, второй рукой увлекая самочку. Взгляд оранжевых глаз из– под капюшона был достаточно выразителен, чтобы Кирк и без слов ощутил опасность. Напряженно озираясь, он последовал за ящерами.

Когда все оказались под защитой стен, самец– хисс молча тронул феллира за плечо и указал на пояс с двумя ятаганами. Патрульный моргнул.

– Дать тебе оружие?!

Ящер отрывисто кивнул.

– Таррега, – процедил он сквозь зубы и кивнул на залитую лунным светом полянку. Кирк оглянулся.

Из-за покрытых снегом кустов, совершенно беззвучно, как отростки ядовитой грибницы, один за другим появлялись серые призраки в гладких, безглазых масках. Заки несли короткие прямые мечи с V– образной гардой, за спиной у каждого висел арбалет. Что страшнее всего, твари были абсолютно одинаковы; рост, стать, движения. Заснеженная полянка сразу стала непостижимо похожей на зеркальную комнату с ярмарки.

Патрульный ощутил, как шерсть встает дыбом, его ноздри расширились. Испуганный Альби прижался к боку феллира. Хисса– самочка угрюмо скрестила на груди лапки, а самец повторно указал Кирку на ятаганы:

– Хош! – крикнул нетерпеливо. – Итра!

Времени пререкаться уже не оставалось. Заки всегда нападают спереди, но только если закончат окружение, так что серые фигуры на поляне могли составлять, в лучшем случае, лишь половину от общего числа врагов. Рукопашная с десятком тварей феллира не беспокоила; хуже, что заки сражались вполне грамотно, и в лесу позади пехотинцев почти наверняка таилось такое же, а то и большее число арбалетчиков. Это

он и попытался объяснить жестами, но самочка неожиданно покачала головой и вскинула лапу.

– Барраж, – сказала коротко и очертила когтем полукруг, как бы отсекая полянку от деревьев. Самец недобро оскалил зубы.

– Хикка рра тьен, аггерагора го иттра, – пробормотал он свирепо и, оставив попытки завладеть ятаганами Кирка, просто вышел навстречу закам. Патрульный дернулся:

– Он что, спятил?! Я... – слова застряли в горле. Ярдах в семи от ближайшего зака, ящер внезапно метнулся в прыжок столь стремительный, что снег от удара когтистых лап взвился выше головы Кирка. Феллир оцепенел.

Заки медлительностью не отличались, и двое успели вскинуть мечи, но ящер был явно в другой лиге. Еще находясь в воздухе, хисс умудрился закрутить свое тело винтом, так что его шипастый хвост обрушился на врага не спереди, а слева по ногам; зака подбросило, развернуло, а ящер приземлился на все четыре лапы и встретил падающее тело головой, ударив рогами по центру позвоночника. Хруст, судорожная конвульсия. Хисс выпрямился с такой силой, что труп отшвырнуло на пять шагов.

В лапе ящера сверкнул отобранный меч, и дальнейшее Кирк всегда вспоминал с содроганием. Потому что хисс не сражался – он РЕЗАЛ. Феллир считал себя неплохим бойцом и знал кое-что о традиционных боевых приемах многих народов, но то, что он сейчас видел, было несопоставимо ни с чем. У патрульного просто отвисла челюсть.

Молодому ящеру, явно, мешал меховой балахон, поэтому бился он исключительно клинком, без помощи хвоста и когтей. Бился скупыми, короткими и жуткими ударами. Все выпады были двойными; отбивая меч зака, хисс так поворачивал оружие, что враг попадал либо в соседнего воина, либо в собственную ногу, а обратным взмахом ящер добивал жертву и, на излете, поражал клинком следующую. Переключаясь на третью – успевал, крутанув меч в ладони и не оборачивая головы, вбить клинок в затылок хрипящего за спиной зака, и выдернуть с такой силой и скоростью, что кровь с лезвия заливала глаза следующего. Через долю секунды в центр серой маски погружался дымящийся меч, с хрустом проворачивался

в ране, высекал искры, отбивая очередную атаку и, змеей, проскальзывал к незащищенному горлу. «Так крестьяне косят траву», – растеряно подумал феллир.

Хиссу потребовалась лишь пара мгновений, чтобы пройти вдоль вражьего строя и оставить на снегу двенадцать изрубленных тел. Свирепо оглядевшись, он поправил капюшон, дал знак самочке и мощным прыжком скрылся в лесу. Оттуда немедленно донесся звон и жуткие, хлюпающие звуки.

– Почему не стреляют? – пробормотал шокированный Кирк. Единорожка не ответил; картина ужасной расправы так его потрясла, что дрожащий Альби забился под стол у печи. Самка– хисса, зачем-то, держала обе лапы вытянутыми в сторону поля боя. Патрульный потянул ятаганы из ножен.

– Жди здесь, – приказал хиссе, – Из дома не выходить!

Выбежав на открытое пространство, он дико огляделся. Звон в зарослях уже затих, но Кирк отлично знал законы повадки и сразу обернулся к срубам. Скоро из-за дома ползет вторая волна...

Так и есть – по–прежнему молча, серые фигуры уже скользили в лунном свете. Оскалившись, патрульный метнулся на перехват.

«Как меня выследили?» – подумал, принимая ятаганами вражеский выпад. Барсокентавр вспорол живот первого зака, добил слева по шее и отпрыгнул, избегая удара соседнего. Мечи вновь скрестились, феллир грозно зарычал. Почему заки так агрессивны? Кто отправил большой отряд в погоню за рядовым патрульным? Они не могли преследовать Альби, ведь сами бросили того в пропасть.

Кирк недобро оскалил клыки. Вчера он выследил буланую единорожицу и завладел ее добычей, хоть невредимым уйти и не удалось. Похоже, это не осталось в тайне от Грогара... Неужто правду бают, что у старого демона есть Глаз Аримаспи, всевидящее око, и нет уголка во всем мире, где можно найти укрытие? Уж не потому ли заки, внезапно, вспыхнули любовью к роскошным барсокентавровым шкуркам? Что ж... С теми, кто любил барсовый мех, феллир, в свою очередь, любил расправляться. Вот как сейчас – удар! Удар! Еще один корчится на снегу...

Третий зак! Патрульный с рычанием бросился на врага, а тем временем из леса вернулся ящер, чей балахон больше не был белым. Мгновенно оценив обстановку, он ногой перевернул ближайший к нему труп на живот, сорвал с его спины арбалет и в

движении, почти не целясь, срезал очередную тварь. Перезаряжать не стал, просто бросил тяжелый самострел в лицо предпоследнему заку и прыгнул вперед.

Пока феллир добивал своего противника, хисс прикончил оставшихся и замер, тяжело дыша, уронив к ноге дымящийся клинок. Вскоре последний удар нанес и патрульный. Оба воина свирепо огляделись.

– Ну, парень... – выдавил Кирк, глотая воздух, – Много я повидал бойцов, но такого...

– Хетинар, хетинар, – хисс оскалил зубы в улыбке, понятной без слов любому солдату. Феллир рассмеялся.

– Пусть будет хетинар, хвост с тобой! – он перевел дух. – Заки обычно не оставляют резерва, но нынче я бы не рисковал, больно уж все... Странно... – он поманил ящера жестом. – Надо спешить на пост.

Хисс согласно кивнул, хоть явно ничего и не понял. Покрытые кровью, оба воина вернулись в дом. Самочка– хисса тут же принялась с пристрастием допрашивать самца, а Кирк поспешил к Альби.

Несчастный единорожка дрожал под столом. Когда патрульный опустился рядом, запах свежей крови с его шерсти заставил Альби отпрянуть. Кирк с болью развел руками.

– Прости, малыш, – сказал он с необычайной лаской. – Прости. Я отдал бы жизнь, чтобы сделать мир... Не таким. Да только, кому нужна моя жизнь.

– Кирк, – с огромным трудом выдавил Альби. – Вы... Не всех убили...

Патрульный застыл:

– Что?!

– Один... Еще жив... – единорожку трясло. – Я чувствую его боль... Он ползет... Слабеет... Принесите его сюда! Я залечу раны!

Кирк рывком выпрямился.

– Альби, – сказал он очень серьезно. – Малыш. У тебя сердце даже не золотое, а бриллиантовое, но зак – не живое существо. Это механизм. Как часы с кукушкой, видел когда-нибудь?

– Механизмы боль не чувствуют, – выдавил единорожка.

Феллир чуть не подпрыгнул:

– Но заки тоже! – он ахнул. – Малыш! Умница! Их отрядом кто-то командовал!!! – Кирк упал на колени, – Альби, родной, укажи путь к тому раненному!

Единорожка с трудом кивнул и выбрался из– под стола.

– Идем, – он неуверенно двинулся к дверям, но патрульный твердо встал на пути.

– Нет, лошадка моя перламутровая, – барсокентавр погладил жеребенка. – Сейчас не стоит наружу выглядывать. Просто объясни дорогу.

Альби горько улыбнулся.

– Кирк, я Звездный Конь, – сказал он тихо. – Меня не нужно ограждать от крови, я и так уже ощутил каждую смерть и в лесу, и вокруг дома. Что нового я увижу на снегу, изломанные тела? После того, как ИСПЫТАЛ их смерть?

Запнувшись, патрульный помедлил на миг. Его сильная, но удивительно мягкая рука легла на шею единорожки.

– Может, ты и Звездный Конь, – ласково отозвался феллир. – Для меня, малыш, ты беззащитный котенок. Я буду тебя беречь от любого горя, любого несчастья, хочешь ты того, или нет. Ценою жизни, коли потребуется, – добавил он вполголоса. – Не забывай, Альби, кому я обязан жизнью.

– Ты мне ничем не обязан! – горячо возразил жеребенок. Патрульный нежно потрепал ему гриву.

– Об этом позволь судить старшим. Ну? Где раненный?

Рог Альби на миг полыхнул сиренью.

– В лесу, прямо напротив дома, тридцать ярдов прямо, шесть налево, у корней островника...

– Жди здесь! – рывкнул патрульный, бросаясь к дверям. Тридцать ярдов – лишь два с половиной прыжка. Снег здесь был обильно полит заковой кровью, тел видно не было. Барсокентавр свирепо принялся.

Там! Метнувшись к массивному приземистому стволу, Кирк с рычанием схватил за шкуру окровавленного солдата и, рывком, перевернул его на спину. Лицо, открывшееся в лунном свете, заставило феллира изумленно выругаться.

– Снайдер?! – он вздернул раненного на вытянутой руке. – Подонок, так ты теперь служишь Грогару?!

Существо, похожее на двуногого рыжего кота, хрипло закашлялось, у него были две колотые раны в груди и почти смертельная – на шее.

– Кирк... – выдавил он. – Помоги...

– Помочь?! – переспросил патрульный. – Ты, сволочь, дезертировал с поста и подстрелил Якоба в спину! Мы тебя уже давно – о – о ищем, гад! – он встряхнул фелиса, будто тряпичную куклу. – Когда на тебя вышли из Тамбелона? Говори! Ты сливал им планы гильдии? Отвечай, мразь, или я начну выламывать тебе даже не пальцы, а зубы! – прорычал барсокентавр. Снайдер искривил губы в гримасе ненависти.

– Мой... Господин... Отомстит за меня... – выдохнул он, задыхаясь. – А вы... Вас мне даже... Жаль... – Снайдер попытался плюнуть в лицо феллира, но тот отдернул голову. Раненный закашлялся.

– Пальцы ломать?.. – прохрипел он, слабея. – Когда чума... Заставит вас гнить... Живьем... Я буду смотреть... С того света... И смеяться!!!

– Чума? – переспросил Кирк. Его сердце сжалось от тревоги: в глазах умирающего Снайдера ясно отражалось торжество.

– Мой срок истек! – выдохнул тот. – Но ты... Будешьдохнуть... Медленно! – изо рта фелиса хлынула кровь и тело забилося в агонии. Кирк, чертыхнувшись, бросил Снайдера на снег.

– Альби! – крикнул что было сил. – Сюда! Не дай ему сдохнуть!

Тело предателя изогнулось дугой в жестокой конвульсии, рана в горле прорвалась, брызнув на снег темной венозной кровью. Булькая и задыхаясь, Снайдер закатил глаза, его ноги вытянулись, пальцы скрутила судорога. Прежде, чем жеребенок услышал зов и прискакал на место допроса, фелис был уже мертв. Кирк в бешенстве пнул тело.

– Проклятие! – он упал на колени перед дрожащим Альби. – Малыш, родной, умоляю, прости, что приходится о таком просить, но это дело жизни и смерти! Можешь его оживить? Хоть на минуту? Мы должны знать, что замышляет Грогар, о какой чуме говорил мерзавец!

Единорожка с дрожью попятился.

– Я... Не умею...

– Но он еще теплый! – рывкнул Кирк. – Не могла же так сразу исчезнуть вся память! Ты сумеешь почувствовать, что видел этот гад перед смертью? Что он последнее запомнил? Умоляю, малыш, от этого зависит судьба Севера!

– Я не могу, – тихо сказал Альби. – Это зло, Кирк. Звездные Кони не умеют творить зла. Я просто не мо...

– Кстен, – сухо оборвала самочка– хисса, отодвигая жеребенка в сторону. Пока патрульный беседовал с Альби, к месту событий подбежали и ящерята. Мгновенно оценив обстановку, хисса догадалась, о чем умоляет феллир.

– Катакирк, – позвала она, опускаясь на колени перед трупом. – Хироманум агерра кьян’корра, – ящерица жестом приказала патрульному лечь рядом на снег. Феллир насторожился.

– Ты чего задумала? – спросил с тревогой. Хисса нетерпеливо щелкнула пастью:

– Хош! – она оцупала горло мертвого Снайдера и хладнокровно запустила когти в рану. Альби, вскрикнув, в панике ускакал, Кирк почесал за ухом. Хисса, тем временем, с хрустом раздробила мертвецу шейные позвонки, порвала горло полностью и вытащила наружу сочащийся кровью огрызок спинного мозга. Крепко зажав его в кулаке, она подняла вторую лапу и взглянула на барсокентавра.

– Хош, – повторила гневно. Красные глаза полыхнули электрической вспышкой.

Растерянный Кирк, решившись, присел возле тела. Хисса молча наклонилась вперед и дотронулась ладонью до лба барсокентавра, создав как бы мостик между ним и растерзанным трупом Снайдера. Кирк громко вскрикнул.

– Но как?! – он отпрянул. – Я видел... О, небо! Темная магия! – прошептал феллир, в ужасе глядя на хиссу. Та криво усмехнулась.

Собравшись с силами, Кирк заставил себя вновь сунуть голову в ее ладонь. Некоторое время, морщась, пытался разобрать гаснущие картины.

– Непонятно... Все слишком смутно! – он в отчаянии хлестнул себя хвостом. – Я не понимаю!

Нахмурившись, ящерка перевела взгляд на труп. По ее руке пробежала ярко–синяя молния, Снайдера скрутило ударом тока. В тот же миг патрульный, громко вскрикнув, отпрыгнул назад:

– Перевал! – прошептал он, глотая воздух. – Их база на перевале, в руинах крепости Ча!

***

На залитой кровью полянке у дома что-то шевелилось. Кирк, до сих пор потрясенный от допроса мертвого Снайдера, резко вскинул руку, заставив ящерят и подавленного единорожку застыть. Патрульный осторожно скользнул вперед.

Проклятие! Это что ж за полоса неудач такая?! Пять крылатых теней размеренно кружили над срубом, в фигуре правильного шестиугольника зияла прореха. Все верно – шестая горгулья сидела на снегу и жадно глодала один из заковых трупов. При виде барсокентавра она тяжело захлопала крыльями и улетела, унося мертвеца в когтях. Скоро на запах падали слетятся десятки...

Оскалив клыки, феллир почистил ятаганы об снег. Горгульи – не раса и не звери, они все разные, двух похожих не сыскать. Общая у них лишь любовь к мертвечине да удивительная, противоестественная тупость. Ее-то, Кирк и надеялся использовать.

Самый простой способ вызвать горгулью на атаку – притвориться падалью. Поудобнее перехватив ятаганы, барсокентавр улегся на снег. Ждать пришлось недолго; едва «добыча» прекратила двигаться, очередная горгулья покинула строй.

За миг до удара, гибкий феллир изогнулся дугой и вскинул вверх ятаганы. Атакующая с высоты горгулья не успела свернуть; мечи с сухим каменным стуком вонзились в ее тело, напомилавшее исковерканную, уродливую сову с козлиными

ногами и головой. Немая, как и все горгульи, тварь развалилась на части и покатила по снегу, оставляя в нем длинные, гладкие борозды.

Кирк резко выпрямился и бросил взгляд вверх. Сейчас оставшиеся будут атаковать одна за другой, через равные промежутки времени, в совершенно одинаковой манере. Только за счет этой необъяснимой, безумной тактики, горгульи считались неопасными; будь они поумнее, обитателям Севера пришлось бы несладко.

– Кирк! – взволнованный голос единорожки заставил патрульного вздрогнуть.
– Кирк, не убивай следующую!

– Сиди в кустах! – рявкнул феллир. Но Альби, тряхнув гривой, решительно протиснулся сквозь заросли и подбежал к барсокентавру. Ящерята, напряженно озираясь, замерли на краю полянки.

– Не убивай! – с дрожью взмолился единорожка. – Пожалуйста! Хватит смертей!

– Горгульи и так не живые, Альби, – с горечью отозвался Кирк.

– Пожалуйста! Не убивай! Я их зачарую!

Феллир изумленно чертыхнулся:

– Ты такое умеешь?!

– Надо попробовать!!! – со страшным волнением выпалил Альби.

Патрульный заколебался, но предложение единорожки выглядело чертовски привлекательно. Если он и вправду сумеет зачаровать монстра... Горгульи не знали усталости. Впряженная в сани, тварь мигом доставит их к развалинам крепости Ча.

– Хорошо, захвачу одну живьем, – отрывисто сказал Кирк, не отводя взгляда от зловещего хоровода в небе. – Спрячься в зарослях, живо!

– Только одну? – растеряно спросил единорожка.

– Ты не сможешь управлять сразу четырьмя, малыш.

– Но... Я... Могу постараться...

– А знаешь, что будет, если не справишься? – сурово спросил феллир. Альби, поникнув, с трудом кивнул и вернулся к кустам, где хиссы его схватили и втащили под листья. Барсокентавр, между тем, вновь улегся на снег. Секунда – и вторая горгулья сорвалась в пике.

Как всегда, безмозглые твари даже не замечали судьбы сородичей. Кирк безо всякого труда, одним и тем же приемом прикончил трех и приготовился встретить последнюю. Тут уже простотой и не пахло, ведь увернуться от атаки он не мог – горгулья, промахнувшись, обычно просто улетала, и удержать ее на земле было невозможно, поскольку тварь обладала невероятной, совершенно чудовищной подъемной силой. Кирку доводилось видеть, как опутанные цепями горгульи вытаскивали из воды двупалубные корабли и продолжали лететь вверх, пока не рассыпались каменной крошкой от нагрузки...

Имелся лишь один способ приземлить горгулью – отломить ей крыло, не разбив туловища. Но патрульный собирался поступить иначе: дать себя схватить.

Точнее, не себя, конечно, а свой тулуп. Не сводя взгляда с последней твари, парящей в высоте, феллир высвободил руки и лапы из рукавов, развязал ленты под животом и улегся на снег, готовясь рвануться в сторону прямо перед ударом. Горгулья закончила очередной круг и, беззвучно, рухнула на добычу.

В последний миг патрульный с кошачьей ловкостью выскользнул из тулупа, чудом избежав каменных когтей. Горгулья – на сей раз помесь летучей мыши и тапира с отвратительными шишками по всему телу – даже не заметила, что вместо живого феллира ей досталась только старая шкура хиссача. Механически, будто неумело сработанные часы, она вцепилась кривыми зубами в "загривок" добычи и запустила кривые когти в "туловище".

– Альби! – крикнул Кирк. Единорожка не заставил ждать; быстро и грациозно, с неземной легкостью в движениях, он подскакал к горгулье сзади и ткнул ее рогом в крыло.

Результат последовал незамедлительно. Рог вспыхнул сиреневым пламенем, мгновенно охватившим все тело горгульи. Застыв, та словно обратилась в настоящую, неподвижную статую; удивленный Альби попятился.

Свечение быстро усиливалось, вскоре на тварь уже было больно смотреть. От туловища горгульи стали отлетать слепящие искры, пронзавшие снежный покров до самой земли, в воздухе на высоте десяти футов появилась воронка. Прежде, чем единорожка успел по– настоящему испугаться, горгулья распалась на мириады светящихся песчинок, завертевшихся в диком вихре. Сверкающая белая воронка

втянула останки чудовища и схлопнулась, породив сильную ударную волну, которая чуть не сбила с ног и Альби, и Кирка.

Потрясенный единорог упал на колени.

– Я убил ее... – прошептал Альби с таким ужасом, что у Кирка чуть не остановилось сердце. – Убил! Я убил! Я убил!!!

– Нет! – барсокентавр, дрожа, схватил единорожку в объятия и крепко прижал к себе. – Нет, малыш, не бойся, не бойся, ты не убивал!

Рог Альби совершенно потух.

– Я убийца... – единорожке стало плохо, его глаза закатились и хрупкое тельце, безвольно, обмякло на руках Кирка.

– Альби!!! -закричал патрульный. Самочка– хисса бросилась вперед.

Кирк, обезумев от страха, пытался привести Альби в чувство, когда хисса протянула к жеребенку лапы. Вспомнив, как этими лапами она, только что, крушила шейные позвонки еще теплому трупу, патрульный свирепо рывкнул и со всей силы толкнул ящерицу, отшвырнув ее на десять шагов. В следующий миг, самец с быстротой молнии кинулся на феллира.

Тот не успел даже понять, откуда пришла атака. Мгновенно вывернул Кирку руку, ящер захватил ее за предплечье и, рывком, согнул по вертикали вокруг собственной лапы, используя ту, как рычаг. Одновременно, хисс ударил барсокентавра по внутренней стороне бедра правой передней ноги и, отскакивающим движением, нанес сокрушительный апперкот коленом снизу в челюсть. Голова феллира дернулась, лапы подкосились, а ящер стремительно захватил его шею в замок из– под плеча и рывком, всей массой тела, дернул вшестеро более тяжелого Кирка вправо– вниз. Патрульный вонзился в землю, как пушистый метеор.

А беспомощному единорогу упасть не дали. Еще совершая бросок, хисс с непостижимой гибкостью выскользнул из окровавленного балахона и поймал Альби широким перепончатым крылом. Бережно уложил на снег, одновременно обвивая ноги феллира длинным хвостом. Секунда – и Альби был в безопасности, а ящер упирался коленом в спину барсокентавра. Запрокинув ему голову за челюсть, он обхватил горло Кирка когтями и тихо, с угрозой зарычал.

– Грхк, Торч! – издали крикнула самочка, поднимаясь с земли. – Грхк!

– Харрра... – самец злобно клацнул челюстями. – Игрррееар ррха, Ланика...

Капюшон сполз и с головы самочки– хиссы. Перед шокированным Кирком стояли гости из древних легенд – изумрудная и синий.

– Аррна моара, Торч, – холодно приказала драконочка. – Хош.

Злобно зашипев прямо в ухо феллиру, юный дракон с большой неохотой выпустил патрульного из захвата и отступил. Двигался он с невероятной, даже жуткой грацией; каждое движение перетекало в следующее с такой внутренней силой и энергией, что Кирку и в голову не пришло рассердиться. Он просто осознал, всем своим существом, что на волосок разминулся со смертью. Смертью столь неизбежной, что гневаться было смешно. Тяжко глотая воздух, потрясенный барсокентавр уселся на снег.

Драконесса подбежала к единорожке, рухнула рядом. Уложив лапки ему на бок, крылатая зажмурилась, по ее чешуйкам промчались молнии. Альби слабо дернулся.

– Что ты делаешь?! – патрульный подался вперед, но самец– дракон загородил ему путь и с такой угрозой оскалил клыки, что Кирку поневоле пришлось сдержаться. Между тем, Альби натужно приподнял голову, драконочка сразу схватила малыша за щеки и заглянула ему в глаза. Пару секунд они молча смотрели друг на друга.

Затем Альби зажмурился, и Кирку довелось увидеть то, о чем среди смертных до сих пор лишь ходили легенды.

Слезы единорога. Радужные звездочки сорвались с густых ресниц жеребенка, упали на снег, разлетевшись слепящими кольцами белого сияния. Снежинки вокруг Альби вспыхнули как алмазная россыпь, волшебной пылью взмыли навстречу небу, озарив всю поляну невероятным салютом огней. Патрульный оцепенел.

Юная драконесса тоже выглядела удивленной, но быстро пришла в себя и обняла плачущего единорожку, что-то нежно шепча ему на ухо. Альби прижался к ее груди.

Повисла тишина. Полумрак на полянке время от времени озарялся вспышками, когда на снег падала очередная слеза. Кирк подошел к жеребенку, опустился на колени. За спиной феллира, готовый вмешаться, застыл дракон.

– Малыш, – тихо позвал патрульный. – Альби...

Жеребенок с огромным трудом обратил к нему взгляд.

– Ты не убивал, – жестко, с напряжением сказал феллир. – Слышишь? Это была фальшивая горгулья. Колдовская кукла. И даже если б она была настоящей, горгульи НЕ ЖИВЫЕ! Нельзя убить то, что никогда не жило!

Единорожка всхлипнул.

– Я не хотел... – шепнул он дрожащим голосом. Кирк сглотнул.

– Тебе легче, малыш? Я могу помочь?

Альби спрятал голову на груди драконочки.

– Я не хотел... – шептал он. – Я не хотел....

– Ты ни в чем не виноват! Малыш!

– Я не хотел... – жеребенок зажмурился, слезы сверкали на перламутровой шерсти. – Я не умею причинять зло. Зло отравляет нас. Я должен был умереть вместе с нею, я... Думал спасти хоть одну... Не дать тебе... Всех убить...

Драконочка с болью прижала Альби к груди, в ее глазах тоже стояли слезы. Патрульный опустил голову.

Несколько минут все хранили молчание, Кирк искоса разглядывал самца. Косолапый и неуклюжий «пустынный ящер», оказался без балахона изумительно гармоничным, грациозным, мускулистым молодым драконом. В нем не было почти ничего общего с рептилиями, здесь праздновала свой триумф чистая красота. Сапфировая чешуя блестела в лунном свете, на груди и животе чешуйки отливали золотом. Перепонка была оранжевой, в цвет глаз, слегка прозрачной, и когда дракон распахнул крылья на фоне звезд, даже Кирк ощутил внутреннее, исконное благоговение. В точности такие чувства испытывают смертные, впервые видя единорога.

– Альби, – тихо позвал феллир. – Малыш, как ты?

Жеребенок в последний раз всхлипнул. Напрягая волю, заставил себя поднять голову. Драконочка выпустила его из объятий и нежно, с бесконечной лаской, лизнула в нос. Альби на мгновение зажмурился.

– Мне уже лучше, – сказал тихо. – Я... Я просто... Я слишком юн для таких... Таких... Приключений, – он судорожно перевел дух. – Прости меня, Кирк.

– Простить ТЕБЯ?!

– Я всех напугал, – Альби, покачиваясь, встал на ноги. – Отнял драгоценное время. Я вас задерживаю. Меня бросили в пропасть, потому что я задерживал отряд... – жеребенок понурил голову. Кирк, свирепо дернув хвостом, подбежал к Альби и крепко обнял.

– Не смей, – сказал он чуть слышно. – Не смей больше так говорить. Никогда. Ясно? – он встряхнул единорожку и ласково, с любовью, провел ладонью по его шее. – Забудь. Все прошло. Гляди– ка лучше, кем оказались твои спасители, – феллир кивнул на драконят. Альби поднял глаза, некоторое время они с Кирком молча рассматривали крылатых.

Те стояли рядом; самец до сих пор скалил зубы, самочка явно размышляла. Наконец, приняв решение, она шагнула вперед и коснулась груди.

– Ланиакея, – коротко представилась драконесса. – Агарра ддрако кег’гата.

Она обернулась к своему спутнику и нахмурилась. Тот, щелкнув челюстями, неохотно подчинился:

– Торч, – буркнул дракончик. Обратив взгляд к феллиру, он выразительно указал на Ланиакею, потом на патрульного, и с такой свирепостью чиркнул когтем поперек горла, что Кирк сглотнул. Единорожка робко шагнул навстречу драконам.

– Друзья? – спросил несмело. – Теланарр? Арре? Теланарр?

Ланиакея улыбнулась и протянула Альби раскрытую ладонь.

– Теланарр, – сказала нежно.

Единорожка вздохнул.

– Я поступил очень глупо, когда решил испытать магию на горгулье, – Альби понурился. – Я причинил зло. Больше я никогда– никогда не стану так делать.

Патрульный хмуро кивнул:

– Уж постарайся, малыш, а то я ведь не каменный, как горгулья. У меня сердце есть, и я не хочу, чтобы оно разорвалось... – он встал и отряхнулся от снега. Драконы внимательно наблюдали.

Немного переведя дух, феллир попытался жестами расспросить, могут ли летучие ящеры доставить их по воздуху к далекой крепости Ча. Идею крылатые поняли сразу. Торч возмущенно вскинулся, но Ланиакея быстро его осадил и, кивком, выразила барсокентавру согласие. Выслушав ее приказ, синий дракончик гневно

фыркнул. С явной неохотой, он направился к срубам, демонстративно вздымая лапами облака снега.

Изумрудная объяснила жестами, что драконы вместе потащат канат, за который Кирку придется держаться.

– Ясно, тогда я смастерю лямки для жеребенка... – барсокентавр побежал к дому. Альби остался наедине с драконессой. Опустив голову, он оглядел снег вокруг себя, до сих пор сверкавший тысячами блесков единорожьих слез.

– Ты пользуешься Темной Магией? – тихо спросил Альби. Ланиакя удивленно посмотрела на малыша и развела крыльями в жесте непонимания.

– В вас нет фальши, – негромко сказал Альби. – Нет лицемерия, нет обмана. Я был прав, когда говорил про эс. Вы, как я. Изначальные... – он шагнул вперед. – Что обещала тебе Тьма?

Драконочка беспомощно покачала головой.

– Моара дррак'ки....

Альби с трудом улыбнулся.

– Хранительница даст знание языка. Только бы найти. Успеть...

Он отошел на несколько шагов и остановился, поникший, одинокий, дрожащий. Перламутровые крылышки, обычно плотно сложенные на спине, безвольно волочились по снегу.

Вскоре вернулись барсокентавр и синий дракон. Патрульный подбежал к жеребенку, ласково погладил и принялся надевать ему лямки, наскоро сделанные из шкур. Ланиакя осмотрела плетенку из нескольких тросов, что смастерил Торч, и одобрительно кивнула.

– Ничего не бойся, я кот, всегда падаю на лапы... – шептал барсокентавр, проверяя лямки. – Лететь будем низко, коли сорвемся, даже не заметим...

Альби покачал головой.

– Я не боюсь смерти, – ответил он очень серьезно. – Мне горько думать о ней, но страха нет. Боюсь я только причинить зло... – единорожка понурил голову. – Кирк, мой народ, Звездные Кони – мы были единственными жителями этого мира, когда взорвалось Око Ночи. Лишь много позже, в яростном пламени, родились боги порядка

и хаоса, еще позднее они населили землю молодыми расами... Но только мы, изначальные, сохранили в сердцах частичку пепельного света. Только мы помним Око.

Патрульный невольно фыркнул.

– Ты ж родился всего девять лет назад, малыш.

– А ты всему учился самостоятельно? – Альби прищурил глаза. – Твоя кошачья грация, дар мгновенно оценивать расстояние для прыжка, умение падать на лапы, всему этому ты учился?

Феллир почесал за ухом.

– Уел, – признал после паузы. – Ладно. Вернемся к нашим бара... Тьфу, драконам. Эй! – он помахал Ланиакее. – Иди сюда, ящерка, карту посмотри.

Кирк сорвал с куста прутик и быстро набросал на снегу чертеж. Драконочка с вниманием следила.

– Мы вот здесь, – указал патрульный. – Это Амунка, самая большая река в наших краях. Она течет с гор, так что, если лететь вверх по течению... – он обозначил хребет Голодной Кошки – ...в десятке часов пешего пути начнутся отроги. От них поворачиваем на запад... Летим еще немного... И видим развалины крепости Ча! – Кирк схематично изобразил замок с высокой башней. Ланиакее задумчиво кивнула.

– Ча? – уточнила она.

– Верно, – отозвался феллир.

Драконочка присела над картой, вгляделась в рисунок. Ее глаза полыхнули недобрым огнем.

– Шшшшча... – прошипела Ланиакее, накрыла ладонью изображение крепости и, рывком, сжала пальцы. Более наглядного жеста вообразить было трудно.

***

Развалины крепости Ча темнели на холме, в полумиле от берега Амунки. Полет с многократными остановками занял почти два часа, все кроме единорожки были вымотаны; Альби ехал на спине Кирка. Когда до крепости оставалось менее четверти мили, барсокентавр подал, наконец, знак затаиться.

Драконята без сил рухнули в снег. К ним подбежал Альби, ласково ткнулся носом в плечо самочки. Измученная полетом с грузом, та с большим трудом села и, нежно, провела лапой по шее жеребенка. Единорог опустился в снег, уложил голову ей на колени.

Рядом, фыркая и шумно дыша, отдыхал второй ящер. Воцарилось молчание, лишь патрульный в стороне разминал затекшие лапы.

– Как там драконы, отдохнули? – спросил Кирк через некоторое время. Альби приподнял голову и, с легким смущением, обнюхал мордочку Ланиакеи. Та тихо рассмеялась, ухватила жеребенка за шею, нежно потерлась носом об его нос. Альби чихнул.

– Наверно... – отозвался единорожка, смущенно прижав уши. Феллир ударил кулаком в ладонь:

– Надо спешить, – сказал он сурово. – Предстоит опасная битва. Пошлем синего ящера в разведку, пусть изучит крепость с высоты.

Альби вздрогнул.

– А... Как им объяснить?

– Всегда мечтал податься в актеры... – буркнул патрульный. Поднявшись, он подошел к жеребенку, дал знак настороженно следившему Торчу и начал пантомиму.

Обрисовать задание, в конце концов, удалось, и синий ящер взмыл в небо. Вид летящего дракона вызвал у патрульного невольный вздох восхищения. Потянулись бесконечные минуты, Ланиакея, нервничая, ходила по снегу взад–вперед, единорожка жадно ее разглядывал. Кирк ненадолго оставил детей, чтобы взобраться на одинокую сосну и оценить с высоты обстановку. Увиденное заставило его чуть ли не кубарем свалиться обратно:

– Черт! – патрульный рванул ятаганы из ножен. – Альби, жди здесь! Ящеренок в драку ввязался! – он огромными прыжками помчался к крепости. Единорожка

вскочил, собираясь бежать следом, но Ланиакея повелительным жестом его остановила.

– Грхк! – жестко сказала драконесса. – Грхк, арре. Кх'крагош.

Она распахнула крылья и тоже метнулась в небо. Трепещущий от волнения Альби остался один.

Кирк мчался по снежной равнине, чувствуя, как в предвкушении битвы закипает кровь и встает дыбом шерсть. Длинный барсовый хвост струился по ветру, мощные лапы каждым прыжком швыряли тело на десять–двенадцать ярдов в воздух. Казалось, не прошло и мгновения, а заснеженные обломки стен уже позади!

Вихрем ворвавшись в разбитую крепость, феллир с разгона чуть не споткнулся о мертвого зака. Хрипло дыша, огляделся. Повсюду валялись изрубленные тела в серых одеждах, на первый взгляд – никак не меньше пятидесяти. Вдали, у штабеля огромных деревянных ящиков, бой еще продолжался; точнее, не бой, а бойня.

Кирк невольно сглотнул. Дракон двигался не как боец, даже не как живое существо – юный ящер казался смертоносной сапфировой молнией. Мечи, видимо отобранные у заков, порхали в его лапах как пушинки, следить за ударами не успевал даже феллир. Торч не убивал, а рубил врагов; достаточно опасные воины, заки в сравнении с ним казались соломенными чучелами. Дракон смеялся, отбивая атаки и стрелы, обратными выпадами он вспарывал тела, не оборачиваясь в их сторону, не целясь, он танцевал! Даже с расстояния в полсотни ярдов Кирк видел, как светятся глаза юного воина; краем зрения заметил Ланиакею, драконочка сидела высоко на разрушенной башне. Вмешиваться в происходящее не было никакого смысла.

Прежде, чем патрульный успел хотя бы вступить в сражение, все было кончено; двумя взмахами Торч срубил последнего зака и, хладнокровно, вонзил мечи в труп, использовав тот как подушку для игл. Кирка передернуло, а дракон распахнул крылья и торжествующе рявкнул. Он был весь, с рогов до хвоста, покрыт кровью и ошметками плоти.

Феллир невольно содрогнулся, вспомнив, как спровоцировал ящера на атаку. Лишь сейчас, в засыпанных телами руинах, он осознал, сколь близко подошел к смерти. Впрочем, Торч зла явно не таил; оглянувшись на растерянного барсокентавра, дракон счастливо рассмеялся.

– Теланарр! – крикнул он, указав когтем на что-то впереди. Кирк проследил жест и чуть не сел прямо в снег. Его губы медленно растянулись в улыбке.

– Так вот, почему ты в бой ввязался... – пробормотал феллир, чувствуя странную смесь благоговения и робости. Громадные ящики, сложенные в штабель у рухнувшей стены, имели в верхней части вентиляционные решетки, и Кирк ясно различил внутри знакомое жемчужное сияние. Все сразу стало понятно.

Пока патрульный приходил в себя от неожиданности, юный дракон уже подошел к ближнему ящику и, голыми лапами, вырвал переднюю стенку. Существо, выглянувшее на волю, заставило даже Торча восхищенно сглотнуть.

При виде дракона, крылатый единорог с явным удивлением отпрянул и всхрапнул. Высоко на башне, Ланиакея прынула в небо и помчалась прочь, очевидно за Альби; Кирк, собрав волю в кулак, приблизился к освобожденному единорогу и поклонился.

– Я Катакирк, патрульный офицер его величества Ворака, – представился он. – Мы спасли вашего жеребенка и узнали о похищении.

Единорог взволнованно подался вперед, распахнул жемчужные крылья, его ноздри расширились, рог ярко вспыхнул:

– Альбирео!

– Да. Скоро он будет здесь, – Кирк улыбнулся. Единорог с дрожью оглядел окровавленные руины, задержал взгляд на дракончике. Что-то произнес на рычаще-отрывистом языке.

Глаза Торча полезли на лоб. Взволнованно вскрикнув, дракон быстро отозвался на том же наречии. Единорог с горечью покачал головой:

– Он не понимает, – тихо сказала сказочное существо. – Все эти смерти... Их кровь пролилась из-за нас. Мы запятнаны.

Кирк вздрогнул:

– Вас похитили бездушные, лишённые сердца твари! Их даже тварями-то не назвать, в колесе от телеги больше жизни, чем в заке! Лучше погибнуть, чем сразиться за свободу?!

– Мы любим жить и ценим любую жизнь, – негромко отозвался единорог. – Свобода, купленная такой ценой, никому не доставит радости, – он опустил голову.

Кирк гневно фыркнул, дергая от злости хвостом.

– Скажи это собственному детенышу, которого заки бросили в овраг на медленную смерть, – процедил феллир сквозь зубы. – Вы хоть пытались им помешать? Я видел, какой магией обладает девятилетний малыш, а вы, взрослые, тысячетлетние мудрецы, молча смотрели, как его губят!

Единорог с болью зажмурился.

– Вы никогда не поймете, – сказал едва слышно.

– Верно! Такое я не пойму никогда!

– Потому, что не видите мир нашими глазами, – произнес другой единорог, выходя на свободу. Пока Кирк спорил с прекрасным существом, дракон продолжил ломать ящики.

Крылатые единороги бессмертны, и определить их возраст на вид, конечно же, невозможно. Однако, в сравнении с жеребцом, с которым беседовал патрульный, эта единорожица действительно выглядела старше. Тончайшие узоры в форме изумрудных лоз украшали ее плечи, грива не просто сверкала – она светилась, посылая по шерсти перламутровые волны от любого движения. Жемчужно– белые копыта, обрамленные густыми пучками волос, вспыхивали при каждом шаге, создавая невероятное ощущение, будто Хранительница ступает по звездам. Она была настолько совершенна, столь прекрасна, что Кирк почти вопреки воле опустился на колени, с глубоким уважением поклонившись существу, что родилось задолго до богов.

Хранительница легонько склонила голову в ответном жесте.

– Я благодарна вам, – сказала она спокойно. – Вы искренне хотели помочь. Нам будет очень трудно смириться с произошедшим, но смерть – такая же часть любой жизни, как и рождение.

Оглянувшись на слегка растерянного дракона, единорожица что-то ему сказала. Юный ящер даже попятился.

В этот миг, хлопая крыльями, на снег приземлилась Ланиакья. При виде Хранительницы, Альби издал ликующее ржание и бросился вперед. Кирк улыбнулся, глядя как жеребенок счастливо мечется между спасенными единорогами, прижимаясь то к одному, то к другому.

– Если подобные минуты не искупают любую боль, любые раны, я не хочу жить в таком мире, – очень серьезно сказал феллир. Хранительница бросила на него тяжелый взгляд.

– Эмоции проходят. Дети вырастают. Шрамы остаются.

– Шрамы, что ты получишь, спасая детей – греют, а не жгут, – тихо ответил Кирк. Хранительница едва заметно улыбнулась.

– Жизнь слишком многогранна, слишком всеобъемлюща, чтобы судить так строго.

– Я не претендую на абсолютную истину, – возразил Кирк. – Я защищаю свою.

– И в этом твоя сила, но также и твоя слабость, – кивнула Хранительница. Патрульный пожал плечами.

– Не спорю, – он вздохнул и кивнул на драконят. – Альби говорил, вы способны обучить их нашему языку?

Хранительница на миг закрыла перламутровые глаза, ее рог полыхнул коротенькой вспышкой. Торч и Ланиакя, разом, потеряли равновесие и плюхнулись на снег. Единорожица бросила в их сторону внимательный взгляд.

– Ты не знаешь, кто они такие, верно? – негромко спросила у феллира.

Кирк с тревогой покачал головой.

– Детеныши драконов...

Ланиакя, распахнув глаза, обернулась на голос и сглотнула:

– Я понимаю слова! – вырвалось у нее. Торч раскрыл пасть да так и остался сидеть. Хранительница слабо улыбнулась.

– Ваше появление здесь может вызвать страшное горе, – сказала она драконам.

– Молю, во имя жизни, во имя всего, что мы равно боготворим, не спешите судить. Не спешите карать.

Ланиакя, с огромным трудом одолев изумление, заставила себя встать и медленно, дергая от волнения хвостом, приблизилась к сказочному существу. Единорог опустил голову.

– Почему ты боишься нас? – с тревогой спросила драконочка. – Мы изгнанники в этих землях, мы хотим лишь вернуться домой...

Хранительница взглянула прямо в лицо изумрудной драконессе. Несколько секунд обе стояли молча.

– Оглянись, – сказала, наконец, единорожица. Ланиакея, сильно вздрогнув, рывком повернула голову. Обвела крепость взглядом, недоуменно встопорщила гребень.

– Ты даже не замечаешь, – горько шепнула Хранительница.

Драконочка, наконец, сообразила:

– Битва? – Ланиакея вздохнула. – Ну почему все копытные такие... Такие...

– Глупые, – резко вставил Торч. Хранительница с болью обратила к нему взгляд.

– Вы сражаетесь за то, что считаете правильным, и поэтому даже не замечаете, какой ценой побеждаете, – произнес единорог. – Вы искренни, но ваша личная справедливость не становится от этого абсолютной.

– Нам следовало бросить Альби в овраге? – жестко спросил Торч. – Смотреть, как вас в ящиках увозят на бойню?!

Хранительница покачала головой.

– Я знаю, кто вы.

– Тогда ты знаешь и нашу историю, – сурово сказал синий дракон. – Знаешь, как тварь, которую мой отец приютил и сделал частью семьи, предала его и завладела Скипетром Кровавого Камня!

– Наших родителей изгнали в мертвые земли, – добавила Ланиакея с горечью. – И никто не заступился за них, никто! Будто не было долгих веков процветания!

– Будто отец был плохим королем... – прорычал синий дракончик. – Мы с Ланикой не выжили бы в изгнании, родители отнесли нас в лес Киринов, обитель королевы Сияющий Дождь, где мы и выросли, изучая древнейшие под Солнцем боевые искусства и темную магию... Уж недалек день, когда я растерзаю узурпаторшу и напьюсь ее теплой крови!!!

Он распахнул покрытые ошметками плоти крылья, свирепо рыча:

– Я верну Скипетр предков и трон! Повелитель драконов Торч!

– Успокойся, – Ланиакея погладила брата по плечу. – Нам пока рано бросать вызов взрослой драконице. Надо еще подрасти... – она обернулась к Хранительнице.

– Кирины отправили нас в эту северную пустошь на год. Мы должны научиться жить в дружбе со всеми расами, обитающими вокруг, поэтому королева приказала нам всячески скрывать, кто мы такие.

– «Страх все драконы внушают в избытке», – буркнул Торч. – «Но только так», сказала она, «вы узнаете, заслуживаете ли любви».

Крылатая единорожица согласно склонила голову.

– Вы заслуживаете любви, – ответила негромко. – Все заслуживают. Даже эти несчастные создания... – она с горечью обвела взглядом трупы заков. – ...но я вижу, вам сейчас трудно такое принять.

Хранительница глубоко вздохнула.

– Моему роду пора улетать в заповедные рощи Палены, – сказала она грустно. – Я позабочусь, чтобы новый магический щит оказался непроницаем даже для бездушных творений Грогара. Но прежде, чем улететь, я хочу отблагодарить вас за помощь. Ведь сколь бы горькой ни была трагедия вокруг, вы искренне бились за нас, рискуя свободой и жизнями.

Кирк возмущенно вскинул голову:

– Нам ничего не нужно!

– А я и не предлагаю, – улыбнулась сверкающая единорожица. – Нет лучшей награды для истинного воина, чем благодарность спасенного им. Вот я и хочу выразить свою благодарность... – она поклонилась, точно как Альби вытянув вперед одну ногу и припав на другую.

Пораженный и глубоко тронутый, Кирк поклонился в ответ, кивнули даже драконята. Хранительница выпрямилась.

– Я жду ребенка, – сказала спокойно. – Впервые за тысячу лет. Я хочу, чтобы вы избрали имя моей будущей дочери.

Феллир даже попятился.

– Мы?!

– Это... слишком, – неуверенно заметил Торч. Но Ланиакья, встрепенувшись, шагнула вперед:

– Селестия! – сказала она твердо. – Назовите дочь Селестией.

Синий дракончик вздрогнул:

– Ланика, так нельзя...

– Можно, – отрезала драконочка.

Хранительница едва заметно улыбнулась уголками губ.

– Селестия. Красивое имя.

– Так звали нашу маму... – пробормотал Торч. Хранительница кивнула:

– Я знаю, – она обратила взгляд на феллира. – Желаеться проститься с Альбирео наедине?

Кирк помедлил.

– Наверно, не стоит... – сказал он после паузы. – Малыш так счастлив сейчас.

Пусть все, что с ним случилось, побыстрее выветрится из памяти.

Единорожица горько улыбнулась.

– Мы не умеем забывать, – ответила коротко и распахнула жемчужные крылья. Снег заискрился мириадами крохотных звезд, синхронно с Хранительницей в небо прыгнули все спасенные единороги. Альби лежал на спине матери, прижавшись к ней всем телом. Стая волшебных, сверкающих существ, промчалась над замерзшей рекой, их провожало северное сияние; миг – и сказка закончилась.

Пораженный Кирк долго смотрел вслед удаляющейся россыпи огоньков. Из транса его вывел голос дракона:

– Эй, Пятна, – позвал Торч. – Мы тоже забывать не умеем. Ты зачем мою сестру так толкнул?

Барсокентавр оглянулся с легкой растерянностью:

– Я случайно. Был слишком взволнован.

– Ну– ну, – драконенок грозно сверкнул глазами. – Впредь будь осторожнее.

Ланиакея со вздохом шлепнула брата крылом по голове и обернулась к феллиру:

– Куда теперь отправишься?

Патрульный поднял голову. Вдали, темнея на фоне звездного неба, давяще огромный, вздымался колоссальный Вечный Пик.

– На ближайшую заставу. Надо собрать отряд и догнать старого великана. Он забрал Чарующий Колокол, драгоценность, одарившую силой самого императора Грогара. Пока не поздно, сокровище надо вернуть.

– А что ты хотел увидеть в памяти рыжего кота? – спросила драконочка. – Это было настолько важно?

Кирк отвел взгляд.

– Не знаю. Не знаю... Он говорил о какой-то чуме. Грогар – злобная и безжалостная тварь, боюсь, в отместку за похищение Колокола он может устроить страшную бойню...

Драконы переглянулись.

– Звучит как работенка для нас, – ухмыльнулся Торч. Кирк вздрогнул:

– Забудь! – он рывком обернулся к дракончику. – Грогар могущественный колдун. Даже сейчас, без источника силы, он все еще превосходит любого соперника. Хотите помочь? – спросил он с волнением. – Спасите остальных единорогов! Грогар отправил всю свою армию в северные леса, он надеется изловить каждого единорога на свете и пленить в Тамбелоне, своей мрачной столице.

Ланиакея твердо кивнула:

– Сделаем, что сможем. Мы еще встретимся, Кирк?

Барсокентавр развел лапами.

– Я солдат. Как судьба распорядится, так все и будет... – он обернулся к синему дракону. – Ты прекрасный боец. Для меня было честью биться рядом с тобой.

Смущенный Торч переступил с ноги на ногу.

– Ты тоже неплохо сражался... Ну, для котенка, – добавил он с ухмылкой. – Бывай, Пятна!

– Успехов! – крикнула Ланиакея, расправляя крылья.

Оба дракона прыгнули в небо и, дав над феллиром круг, быстро исчезли во тьме. Кирк остался совершенно один посреди разгромленной крепости.

Некоторое время он так и стоял в тишине, глубоко дыша и вспоминая невероятное приключение. А затем, тишину разорвал хриплый, полный ярости женский голос:

– Я уж думала, они никогда не улетят, – сквозь зубы процедила грязная, покрытая шрамами и свежими царапинами буланая единорожка с длинным изогнутым рогом.

Спрыгнув с обломка стены, за которым она пряталась все это время, единорожица встала напротив ошарашенного патрульного. Длинный зеленый хвост хлестал ее по бокам.

– Так кто, говоришь, забрал мою добычу? – прошипела она и рванулась вперед. Крыльев у нее не было.

КОНЕЦ